

Е. А. Мишина

Настоящее узуальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI—XV вв.

В последнее время лингвистами все больше осознается необходимость семантико-функционального подхода к анализу употреблений глагольных словоформ в древнерусских памятниках, учитывающего специфику контекста, в котором встречается форма. Без этого, как кажется, невозможно продвинуться в решении многих спорных вопросов и задач.

Настоящая статья посвящена описанию функционирования презентных форм в восточнославянских памятниках XI—XV вв. в двух типах неактуального настоящего — узуальном и потенциальном. Интерес к неактуальному настоящему обусловлен прежде всего тем, что функционирование видо-временных форм в данных типах контекста отличается от современного русского литературного языка. Контексты неактуального настоящего заслуживают особого внимания еще и потому, что историками русского языка они иногда привлекаются в качестве диагностических для определения видового значения древнерусских глагольных основ, фактически таковыми не являясь. Определяя в них значение глагольной основы, исследователи часто основываются на том, какой вид в данном случае употребляется в современном русском языке, что не может быть признано удовлетворительным, так как в этом случае древнее языковое состояние воспринимается сквозь призму современного. А это может привести к модернизации и неверной интерпретации языковых фактов.

Решение задачи определения видового значения конкретных глагольных основ в тот или иной реконструируемый период требует разработки методики и критериев, на основе которых можно установить эти значения. И в этом случае оправданной и правомерной представляется опора на достижения современной теоретической лингвистики, аспектологии и нарративной семантики.

О. В. Кукушкиной и М. Н. Шевелевой было предложено при определении видовых значений взять за основу «диагностические контексты»¹, в которых встречаемость или невстречаемость тех или иных основ может свидетельствовать об их видовой принадлежности. Данная методика представляется перспективной, поскольку предлагает опираться на выявление видového значения в контексте, иными словами рассматривать значения видов не только как общие, инвариантные, но также учитывать и все частные значения видов, реализующиеся в разных типах контекста. В статье О. В. Кукушкиной и М. Н. Шевелевой убедительно показано, что далеко не все контексты, обычно привлекаемые в качестве диагностических, позволяют определить видовое значение основы [Кукушкина, Шевелева 1991]. В частности, показательными не являются все контексты неактуального настоящего (настоящее узуальное, потенциальное, постоянное, настоящее историческое и некоторые др.), поскольку в этих контекстах все славянские языки допускают употребление обоих видов, а различия по языкам связаны с большей или меньшей функциональной нагруженностью совершенного или несовершенного видов².

Тем не менее в научной литературе контексты неактуального настоящего нередко привлекались в качестве диагностических. Так, например, в качестве доказательства того, что в древнерусский период приставки еще не перфективировали исходную основу, приводят случаи употребления приставочных неимперфективированных

¹ Выделить универсально диагностические контексты позволяет наличие однотипного функционального различия между совершенным и несовершенным видами, свойственного всем славянским языкам и проявляющегося прежде всего в том, что при обозначении актуально-длящегося процесса (в частности, совпадающего с моментом речи) и в сочетании с фазисными глаголами не могут быть употреблены глаголы совершенного вида, а только несовершенного. Контекстами, позволяющими определить отношение основы к видовому значению на всех этапах существования видového противопоставления, могут быть признаны: 1) актуальное настоящее, 2) конкретно-процессное прошедшее, 3) сочетание с фазовыми глаголами, 4) конкретно-фактическое прошедшее, 5) общефактическое прошедшее [Кукушкина, Шевелева 1991: 40–41].

² Так, например, как известно, в современном русском литературном языке в настоящем историческом имеет место нейтрализация видového противопоставления (возможно употребление только глаголов несовершенного вида) в то время, как в некоторых других славянских языках в настоящем историческом возможно употребление презентных форм обоих видов, причем часто формы совершенного вида вытесняют на периферию формы несовершенного.

основ в контексте настоящего времени [Потебня 1941: 50—54, Кузнецов 1953: 243—250, 1959: 184—185; Немец 1962: 268; Силина 1982: 194, 277]. Вот несколько типичных примеров³:

- (1) аште вѣложиши оугль огоньтъ · исоушають и пожьжеть влагоу и очиштають [Изб-76: л. 208—208об.];
- (2) велии еси Гѣи · и чюдна дѣла твоя · и вѣвно и хвално има твое в вѣкы · по всен земли · иже кто не похвалить · ни прославляеть · силы твоя · и твои^х велики^х чюдѣ · и добротѣ оустроены^х на семь свѣтъѣ [Поуч. Влад. Мон., Лавр.: л. 79об.];
- (3) а нынѣ вода новою женоу а мѣнѣ не вѣдасть ничѣто же [Новг. бер. гр., № 9, XII в., Зализняк 1995: 312];
- (4) а Двина ис тогоже лѣса потечет · а идеть на полунощѣ и видеть в море Варажское [ПВЛ, Лавр.: л. 3] и др.

Однако на самом деле, с точки зрения определения видового значения основы, все случаи такого рода не могут быть признаны показательными, так как представляют собой разные типы неактуального настоящего (узуальное (1), потенциальное (2), «презенс напрасного ожидания» (3)⁴, постоянное (4)), в которых известное противоречие между значением настоящего времени и значением совершенного вида может смягчаться, вследствие чего в этих контекстах допускается употребление совершенного вида. То обстоятельство, что современный русский литературный язык в приведенных примерах предпочитает употребление несовершенного вида, в данном случае не может служить опорой, так как это всего лишь одна из возможностей. Характерной для современного русского литературного языка нормированности и обязательности в употреблении видовых форм можно противопоставить ббльшую свободу в выборе совершенного или несовершенного видов при обозначении одной и той же денотативной ситуации в некоторых других славянских языках (чешском, словацком, словенском, сербо-хорватском). В частности, вышеперечисленные контексты неактуального настоящего в этих языках преимущественно являются сферой употребления

³ Здесь и далее в примерах обозначаются: подчеркиванием (пожьжеть) — презентные формы совершенного вида, курсивом и подчеркиванием (*прославляеть*) — презентные формы несовершенного, курсивом (*идеть*) — простые бесприставочные глаголы, которые в зависимости от контекста могут выражать семантку как совершенного, так и несовершенного вида.

⁴ Встречающиеся в берестяных грамотах употребления презентных форм совершенного вида в контексте отрицания (как в примере 3) описаны А. А. Зализняком, который назвал этот тип «презенсом напрасного ожидания» [Зализняк 1990].

презентных форм совершенного вида. Примечательно также, что более широкое употребление презентных форм совершенного вида в контекстах неактуального настоящего фиксируется и в ряде современных русских диалектов.

В приведенных примерах интерпретировать видовое значение приставочных основ как значение несовершенного вида, по-видимому, исследователей побуждает также нетипичная для современного русского литературного языка синтаксическая сочетаемость разновидных форм в рамках одного предложения при обозначении двух или нескольких последовательных действий. Однако сам по себе данный факт ни о чем не говорит (см. об этом ниже).

На наш взгляд, у нас нет достаточных оснований утверждать, что в древнерусский период приставки не перфективировали основы. Имеющиеся данные скорее свидетельствуют о том, что подавляющее большинство приставочных неимперфективированных основ имело значение совершенного вида⁵ за исключением, по-видимому, небольшого класса глаголов⁶. Однако в отличие от современного русского литературного языка, в котором приставочные основы совершенного вида практически полностью вытеснены в сферу будущего времени, а их употребление в сфере неактуального настоящего имеет массу ограничений, в языке древнерусских памятников эти основы, по-видимому, еще сохраняли возможность более широкого функционирования в контекстах неактуального настоящего, что заслуживает более пристального внимания.

Некоторые из вышеперечисленных типов неактуального настоящего уже попадали в сферу внимания историков русского языка⁷. Целью настоящей работы является исследование семантики и функ-

⁵ Подробнее см. [Кукушкина, Шевелева 1991]. Следует также отметить, что возможность приставкой выражать значение вида не противоречит возможности выражать какое-либо другое семантическое значение, например, значение пространственной направленности и др., см. [Мейе 1951: 236].

⁶ В научной литературе отмечалось, что приставка не обладает перфективирующей функцией в группе глаголов с семантикой пространственного положения тела: *прилѣжати, присѣдати, пристояти, надълежати* и т. п. [Кузнецов 1953: 246, Кукушкина, Шевелева 1991: 44]. Но, по-видимому, эта глагольная группа шире: в нее можно включить все стative, см., например, употребление глаголов *свѣдѣти, провѣдѣти* и т. п.

⁷ О «презензе напрасного ожидания» см. [Зализняк 1990, 1993: 275–279]. Употребления приставочных форм типа *втечь, потечь* в географических описаниях неоднократно становились предметом научных споров. Обзор имеющихся точек зрения и семантическую интерпретацию данных употреблений см. в [Мишина 1997]. Настоящее историческое глаголов совершенного и несовершенного видов в оригинальных восточнославянских

ций презентных форм, употребляемых в контекстах узуального и потенциального настоящего восточнославянских памятников XI—XV вв. Основное внимание в статье уделяется приставочным презентным формам совершенного вида, поскольку именно их употребление в контекстах неактуального настоящего имеет специфические особенности и часто является отличным от употреблений в современном русском языке, вследствие чего употребление именно форм совершенного вида часто интерпретировалось исследователями неверно. Предполагается выявить те семантические и синтаксические особенности употребления презентных форм в значении узуального и потенциального настоящего, которые отличают эти употребления от употреблений в современном русском языке. Важным представляется также сопоставление с другими славянскими языками, поскольку оно позволяет выявить общие закономерности в употреблении видов-временных форм⁸.

Презентные формы в значении неактуального настоящего реализуются, как правило, в нарративе⁹, поэтому для исследования были выбраны повествовательные жанры: некоторые восточнославянские летописи и хождения XI—XIV вв., а также Изборник 1076 г. и древнерусская Пчела.

Исследуемые памятники сохранились большей частью в списках относительно поздних (не ранее XV в.), однако поздние списки часто сохраняют языковые особенности первоначального текста. Кроме того, как показывают исследования, в отношении функционирования видов в текстах XV—XVI вв. не обнаруживается существенных отличий от более раннего периода [Кукушкина, Шевелева 1991: 48—49].

Прежде чем перейти к анализу языкового материала древнерусских текстов, остановимся на проблеме соотношения книжного/некнижного (церковнославянского/древнерусского) языка. Надо сказать, что многие контексты, представляющие узуальное и потенциальное настоящее, в исследованных памятниках являются цитатами

памятниках XV—XVIII вв. подробно описано А. В. Бондарко [Бондарко 1958], см. также наблюдения М. Н. Шевелевой [Шевелева 1986: 84—92, 103—105], а в текстах более раннего периода — Е. А. Мишиной [Мишина 2001].

⁸ Как отмечают аспектологи, «славянские языки проявляют принципиальное сходство в выражении различных типов ситуаций глаголами совершенного и несовершенного видов» [Петрухина 2000: 59—60].

⁹ См. о противопоставлении плана речи (*plan de discours*) и плана текста (*plan de l'histoire*) [Бенвенист 1974], а также о речевом и нарративном режимах интерпретации высказывания и текста [Падучева 1996].

из Священного Писания, трудов Отцов Церкви и других произведений нравственно-назидательного характера. Для потенциального настоящего «некнижные» контексты представлены единичными примерами. Однако в отношении функционирования презентных форм в интересующих нас контекстах неактуального настоящего книжные контексты устроены по преимуществу таким же образом, как и некнижные, и демонстрируют те же особенности в употреблении видов, что позволяет рассматривать в совокупности примеры из памятников разных жанров и разных типов языка.

Средства выражения значения узуального настоящего и типичные контексты его реализации

В исследованных нами древнерусских памятниках письменности, как и в современном русском языке, значение узуальных, повторяющихся действий в сфере неактуального настоящего может быть выражено презентными формами как несовершенного, так и совершенного видов. И в зависимости от видового и лексического значения глаголов, а также лексического и синтаксического контекста в целом реализуются те же основные модификации узуального настоящего, что и в современном русском. Так, например, можно выделить:

постоянно-непрерывное (узуально-статальное) значение, реализующееся у глаголов несовершенного вида, обозначающих неактуальные или устойчивые состояния (любити, вѣдѣти, владѣти):

- (1) вѣси во не вѣдати мысли члвчское [ПВЛ, Лавр.: л. 60, 1071 г.];
- (2) владѣють же жены мѹжи своими [ПВЛ, Лавр.: л. 5об., Введ.];
- (3) придоша ко мнѣ Жидове глше . тако Нѣмци и Грыци вѣрѹють . югоже мы распахомъ [ПВЛ, Лавр.: л. 28, 986 г.];
- (4) кого во тако бѣ любити такоже ны взлюбилъ ксть [ПВЛ, Лавр.: л. 75, 1093 г.];

собственно узуальное значение (выражение обычных, многократно повторяющихся действий), реализующееся у глаголов, которые могут иметь и актуально-длительное значение:

- (5) в горахъ тѣхъ кличъ великъ и говорѹ . и сѣкѹть горѹ хоташе высѣчисл . и в горѣ тои просѣчено шконце мало и тѹдѣ молвати . и есть не разѹмѣти языку ихъ . но кажють на желѣзо и помавають рѹкою просаше желѣза [ПВЛ, Лавр.: л. 85а, 1096 г.];
- (6) все во веселии свѣта сего: съ плачьмь коньчавактѣся . и се гавѣ видѣти въ мирѣ семь въ дѣвонхъ соусѣдѣхъ . оу сихъ сватьвоу творати . а оу дрѹгнихъ мрѣтвыца плачються . и тѣ же плачь

соукътъны . днѣсь плачуться а оутро оупиваѣтъся [Изб-76: л. 9об.—10];

наглядно-примерное значение, реализующееся, как правило, у глаголов совершенного вида. В этом случае типичное изображается через единичное: обычные, повторяющиеся действия «для наглядности» изображаются на единичном примере:

(7) аще оумреть члѣкъ в землю идетъ тѣло · а дша к Бѣ [ПВЛ, Лавр.: л. 59об., 1071 г.];

(8) во время же хотащихъ родити · аще родится штроча погубать · аще дѣвоческъ полъ то въздохать [ПВЛ, Лавр.: л. 6];

Если презентные формы несовершенного вида употребляются в узуальном настоящем без каких бы то ни было лексико-синтаксических ограничений, то употребление презентных форм совершенного вида, как и в современном русском языке, связано прежде всего с *кратно-соотносительным* типом контекста: кратно-парным или кратно-цепным¹⁰. Речь идет о соотносительности данного действия с другим действием (или действиями) и повторяемости этих соотносительных друг с другом действий. Большинство употреблений презентных форм совершенного вида в значении обычных, многократно повторяющихся действий представлено в кратно-парном типе контекста в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия или времени (аще — то, егда — то), а также местоименно-соотносительного типа.

Формы презенса совершенного вида могут употребляться в обеих частях кратно-парной конструкции. Например:

(9) Бѣ же показа силу крѣнѣю [на] показанье землѣ Русьстѣи · да не престѣпають чѣнаго крѣа цѣловавше кого · аще ли престѣпнть кто то и здѣ приниметь казнь · и на придѣщемъ вѣцѣ казнь вѣчнѣю [ПВЛ, Лавр.: л. 58, 1068 г.];

(10) велика Гѣ мѣтъ твоя на нѣ · таже та оугодья створилъ кси · члѣка дѣла грѣшна · и ты же птицѣ нѣныа · оумудрены тобою Гѣ егда повелнши то вспоуть · и члѣкы веселать тебе и егда же не повелнши имъ · газыкъ же имѣюще шнемѣють [Поуч. Влад. Мон., Лавр.: л. 79об.];

¹⁰ Как неоднократно отмечалось исследователями, основным условием функционирования форм презенса совершенного вида при обозначении повторяющихся, обычных и обобщенных действий, отнесенных к плану абстрактного настоящего или прошлого, является кратно-соотносительный тип видового контекста [Маслов 1984: 132—133; Бондарко 1971: 197, 198—210].

- (11) Новгородци бо изначала и Смолнани · и Кыпане · и вса власти тако^с на дому на вѣча сходатса · на что же старѣишии сдѹмають · на томъ же пригороди станѹтъ [Лавр.: л. 127об., 1176 г.];
- (12) Вѣргыи на пѣтицѣ камень отъгонитъ ѣ · тако же иже поноситъ дрѹгъ свокоу · разоритъ дрѹжьбоу [Изб-76: л. 171об.—172];
- (13) Законъ по(д)вентъ ксть паоучинѣ ... аже въ ню вѣлетитъ моуха или комаръ, то оувазнетъ въ неи [Пч.: 351].

Возможно также сочетание презентных форм совершенного вида с формами несовершенного, употребленными либо в главной (таких примеров большинство, прим. 14—17), либо в придаточной части (прим. 18):

- (14) всакъ бо чѣвкъ^с аще оукѹси^с сладка · послѣди горести не принимаеть [ПВЛ, Лавр.: л. 37об., 987 г.];
- (15) се бо не погански ли живемъ · аще оусрѣсти вѣрѹюще · аще бо кто ѹсрацетъ черноризца · то възвращаетса [ПВЛ, Лавр.: л. 57об., 1068 г.];
- (16) не грѣшите · ни ѡднѹ же ночь аще можете поклонитиса до земли ... тѣмъ бо ночны^с поклон^с и пѣнье^с чѣвкъ побѣжае^с дѣявола и что в днѣ согрѣшитъ а тѣмъ чѣвкъ избываетъ [Поуч. Влад. Мон., Лавр.: л. 80];
- (17) море же содомское мертво есть · и не имать в себѣ никакоже животна ни рака ни рыбы ни сколки · но ѡбаче внесетъ быстрина иерданьскага в море то рыбу то не можетъ жива быти · ни малъ чѣ^с но въскорѣ оумираеть [ХИД-Мазур.: л. 66об.];
- (18) лѣнность бо всемѹ мѣти · еже оумѣеть то забѹдетъ [Поуч. Влад. Мон., Лавр.: л. 80об.].

Значение и функции видо-временных форм в приведенных выше примерах из древних текстов, по-видимому, аналогичны их значению и функциям в современном русском языке. Сочетание совершенного и несовершенного видов в приведенных контекстах, как и в современном русском языке, особым образом выражает отношения между двумя действиями. В примерах 14—17 употребление презентной формы совершенного вида, выражающей законченное действие, в сочетании с последующей формой несовершенного, часто обозначающей длительное действие или состояние, подчеркивает временную последовательность двух действий внутри повторяющейся ситуации. В примере 18 длительное состояние, выраженное формой несовершенного вида, сменяется наступлением события, обозначенным формой совершенного. Совершенный вид в данном случае, акцентируя внимание на результате действия, задает также ори-

ентацию в будущее: *каждый человек, который умеет что-то в настоящем, забудет это в будущем*. Кратной же является вся конструкция в целом, узуальность задается окружающим контекстом.

В исследованных памятниках, как и в современном русском языке, презентные формы, обозначающие узуально повторяющиеся действия, встречаются также в кратно-цепном типе контекста.

В этом случае в языке древнерусских памятников, как и в современном русском, имеет место конкуренция видов:¹¹ повторяющиеся действия могут выражаться презентными формами совершенного и несовершенного видов. Однако, как известно, между ними нет полной синонимии. Глаголы несовершенного вида имеют неограниченно-кратное значение, обозначают неограниченный ряд повторений действий. В этом случае часто бывает неважна временная последовательность действий:

(19) бѣси бо рече насъвѣвають черноризце^м помышленья · похотѣнья лукава · вжагающе юмѹ помыслы · и тѣми врежакми бываю^т имѣ мѣтвы ... въ яденъи бо мнозѣ и питъи безмѣрнѣ · възрастають помысли лукави · помысло^м же възрастѣши^м ствараются грѣхъ [ПВЛ, Лавр.: л. 62, 1074 г.].

Глаголы совершенного вида, выступающие в «наглядно-примерном» значении, выделяют отдельные акты повторяющихся действий:

(20) дасть Бохмитѣ комуждо по семидесятъ женѣ красныхъ · исбереть единѹ краснѹ · и въбѣ^х красотѹ възложить на единѹ · та бѹдетъ емѢ жена [ПВЛ, Лавр.: л. 27—27об., 986 г.].

При обозначении узуально повторяющейся последовательности действий презентные формы несовершенного вида часто употребляются в сочетании с формами совершенного. Несовершенный вид в этом случае подчеркивает длительность, процессуальность действия или же его возможную многократность внутри цепочки последовательных действий, а совершенный вид изображает действие в его целостности, в отличие от несовершенного направляя внимание на завершение действия, его результат, а также фиксирует порядок следования этих действий:

(21) Не преиман же оученья ѿ Латынѣ · ихъже оученье разъвращено · влѣзъше бо въ цркъ^{ва} · не покланятса иконамѣ · но стоа по-

¹¹ Под конкуренцией видов понимается возможность их взаимозаменяемости в контексте при сохранении основного смысла высказывания [Матезиус 1947: 195—205; Кржижкова 1961: 32—39; Бондарко 1971: 36; Маслов 1984: 72].

- КЛОНИТСА · и поклониѿса и НАПИШЕТЬ крѣтъ на земли и ЦѢЛУЕТЬ въставъ простѣтъ ^{сѣ}неть на немъ нагами · да легъ ЦѢЛУЕТЬ а въставъ ПОПИРАЕТЬ [ПВЛ, Лавр.: л. 39об., 988 г.];
- (22) А Климъ молваше: коли хоташе и за здравик и за оупокон а безъ просфѣръ; проскоура бо испроскоумисавше во олтари, а болѣ къ НЕ НОСАТЬ надъ коутю цриградѣ въ монастыри ПРИНЕСОУТЬ въ божницу, а верху ВЪСТАВАТЬ вино, темьганъ, свѣцю, проскоуроу, НЕСОУТЬ вса на слоужбоу во олтарь [ВК: 32];
- (23) Въ немже храмѣ мати дѣла родитъ не достонтъ влазити въ нь по три дни потомъ ПОМЫЮТЬ юже надъ съсоудомъ творать оскверньшимъса молитвоу ВЪЗМЕТЬ чистоюю и тако ВЛАЗИТЬ [ВК: 34];
- (24) Тѣ коню въ всяком вторникъ ВЫНОСЯТ ... Единому челоѣку ВЪСТАВЯТ на плеща в'станно, а он рѣцѣ РАСПРОСТРЕТ, аки распятъ, тако же и очи емѣ ЗАПРОВРЪЖЕТЬ, видѣти грозно, по бѣвищу МЫЧЕТ его сѣмо и овамо, вел'ми силно ПОВЕР'ТЫВАЕТ им, а он НЕ ПОМНИТ СЯ, куды его икона НОСИТ. Потом дрѣггини ПОХВАТИТЬ, и тои тако же, таж трети и четверты ПОДХВАТЫВАЮТ [ХСН: л. 141об.] и др.

Как видно из примеров, наряду с приставочными перфективами (выражающими семантику совершенного вида) и вторичными имперфективами (маркированными по значению процессуальности) в контекстах узуального настоящего встречаются также презентные формы от простых бесприставочных глаголов, которые, как считает большинство исследователей, в древнерусский период сохраняли видовую неохарактеризованность и в зависимости от предельного/непредельного характера их семантики могли выражать значение совершенного и/или несовершенного вида [Кукушкина, Шевелева 1990: 47]. Иногда нельзя определить точно, какую именно видовую семантику имеет такой глагол в контексте узуального настоящего. Так, например, в примере 21, строго говоря, не вполне ясно, идет ли речь об однократном или многократном целовании креста. Вполне вероятно, что «безразличные» к видовому значению бесприставочные основы могли служить средством простого называния действия и выбираться в тех случаях, когда повествователю был неважен характер протекания действия, как, например, при описании следующей узуальной ситуации:

- (25) инъ же законъ Гилишмъ жены в ни^х шрють · зижють храми [и] мѣжскага дѣла творать · но любы творать елико хощеть · не въздержаеми · ѿ мѣжнин своихъ весьма [ПВЛ, Лавр.: л. 5об.].

К проблеме классификации частных значений внутри неактуального настоящего

В последнее время исследование значений неактуального настоящего в современном русском и других славянских языках шло по линии градации на различные семантические подтипы. В исследованиях часто бывают представлены дробные классификации подзначений внутри того или иного типа, прежде всего узуального и потенциального. В этой связи следует сказать несколько слов о возможности построения таких классификаций на материале древнерусского языка.

Выше уже говорилось о том, что в языке древнерусских памятников представлены те же основные семантические варианты настоящего узуального, что и в современном русском языке. При желании можно выделить и другие подзначения (как это принято в современной аспектологии). Однако применительно к древнерусскому языковому материалу этот путь не представляется нам необходимым и перспективным.

Прежде всего, несмотря на предпринятые исследователями попытки классифицировать семантические подтипы внутри значений узуального и потенциального настоящего в современных славянских языках, эту проблему нельзя считать решенной: среди исследователей нет общепринятого мнения в том, какие именно подзначения следует выделять, границы между отдельными значениями бывают очень зыбкими (у разных авторов, как правило, представлен «свой набор») ¹². Во-вторых, выделение частных значений часто осуществляется в зависимости от наличия в контексте определенных лексических детерминантов (временных и обстоятельственных), на основе которых эти значения и идентифицируются ¹³. В древнерусских же текстах временные и обстоятельственные детерминанты в узуальном настоящем встречаются довольно редко. Кроме того, следует признать, что существующие классификации подзначений иногда бывают искусственны и субъективны. Объясняется это тем, что под-

¹² Так, например, одни исследователи считают правильным разграничивать настоящее повторяющегося действия (так как повторение действия может иметь разную кратность) и настоящее узуальное (постоянные, обычные, привычные действия), другие рассматривают оба этих значения в совокупности [Широкова 1998: 23—27].

¹³ Так, например, собственно узуальное значение, неограниченно-кратное и многократное разделяют в зависимости от наличия определенных показателей кратности или повторяемости (таких, как *изредка, часто, всегда, обычно, дважды* и т. п.).

класс «узуальное значение» не является семантически однородным: каждое из значений порождается своим особым контекстом, и это обстоятельство делает невозможным построение классификации по единым семантическим критериям [Падучева 1996: 27–28]. Тем более подобная дифференциация будет искусственной применительно к языку древних текстов в силу объективного синкретизма значений в древнерусском языке. В настоящей работе не ставится задача классификации и выделения всех возможных подзначений, а термин «узуальное настоящее» употребляется в широком смысле.

Особо следует отметить проблему выделения потенциального значения. Значение потенциального настоящего иногда выделяют в отдельный тип, а иногда рассматривают как разновидность узуального настоящего. Связано это с близостью этих значений, можно сказать, что потенциальное часто базируется на узуальном. Существуют также неоднозначные контексты, в которых значение глагольных форм может быть интерпретировано двояко: как узуальное настоящее или как потенциальное настоящее. Например:

(1а) *Всегда* он влипнет в историю;

(1б) А они (нечисть), как вот *когда* покажется таким, как мы, человеком, *когда* собакам, *когда* кошкам, *кому как* [МРИЛРС: 91].

В приведенных предложениях в семантике презентных форм совмещается семантический компонент узуальности (обобщенности) и потенциальная модальность. Значение повторяемости, обычности действий в данном случае выражено контекстом: в (1а) — лексическим показателем (наречием *всегда*), а в (1б) — лексически (*кому как*) и синтаксически (повторами *когда...*, *когда...*, *когда...*). Совершенный же вид в сочетании с показателями узуальности выражает значение потенциальной возможности осуществления действия в любой момент времени. Подобная неоднозначность и является причиной того, что потенциальное значение иногда рассматривают не как самостоятельное, а как вариант узуального: узуальность, осложненная потенциальностью или другими модальными значениями. Для нас это важно, поскольку, как кажется, выделение модальных смыслов в языке древнерусских письменных памятников еще сложнее, чем в современном русском, а основания, на которых мы можем в древнем тексте выделять или не выделять тот или иной модальный компонент в значении глагольных форм, иногда менее очевидны.

В исследованных древнерусских памятниках можно найти «классические» примеры на значение потенциального настоящего:

- (2) вещь бо сунклигова сица е ни огонь можетъ вжещи кого · ни желѣзо кого приметь [ПВЛ, Лавр.: л. 85об., 1096 г.] — «Вещь из сунклита такова: ни огонь не может ее сжечь, ни железо не возьмет (ср. „не может (не способно) взять“);»
- (3) и тѹ естъ мѣсто близъ пещеры тоя, яко довержетъ человекъ къ каменю малымъ [ХИД-Веневит.: 37] — «И есть [одно] место не-вдалеке от этой пещеры, так что человек докинет маленьким камнем (ср. „сможет докинуть“);»
- (4) В мнозѣ бо брашьнѣ недѹгъ бываеѹтъ · <и пр>ѣсыщениѹ до кроучины дондетъ [Изб-76: л. 167] — «От многоядения бывает недуг, и пресыщение доведѣт до болезни (ср. „может довести“);»

Однако в ряде случаев разграничение значения узуального и потенциального настоящего представляет собой проблему, и скорее следует говорить о синкретизме значений (см. об этом ниже).

В языке древнерусских памятников, как в современном русском, потенциальная модальность может быть выражена не только в настоящем неактуальном, но также и в будущем (прим. 4—5) или связывать настоящее с будущим (как в прим. 6—7):

- (5) сице аще не створимъ мира со црѣмъ · а ѹвѣсть црѣ яко мало насъ естъ · пришедше вступать ны въ градѣ · а Руска земля далеча · а Печенѣзи с нами ратьни · а кто ны поможетъ [ПВЛ, Лавр.: л. 22, 971 г.] — «Если не заключим мир с царем, и узнает царь, что нас мало, [то] подступив, осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? (ср. „сможет, готов, захочет помочь“);»
- (6) Мнози бо ходивше святаго града Иерусалима, пойдут опять, много добра не видѣвши [ХИД-Веневит.: 3] — «Многие, ходившие в святой град Иерусалим, пойдут [в него] опять, [так как] многого не видели (ср. „готовы, захотят пойти“);»
- (7) се же не свѣдѹще право глѣтъ · тако крѣтѣса естъ в Киевѣ · и ини же рѣша [в — РА] Василиви · друзни же инако скажють [ПВЛ, Лавр.: л. 38об., 988 г.] — «Не знающие же истины говорят, что крестился [Владимир] в Киеве, иные же говорили — в Василеве, а другие иное скажут (ср. „могут сказать“ как сейчас, так и в будущем);»
- (8) злыи бо злѣ погыбнеть [Лавр.: л. 120, 1169 г.].

На анализе подобных употреблений мы не будем останавливаться подробно. Ниже речь пойдет о выражении потенциальной модальности только в узуальных типах контекста.

Особенности функционирования презентных форм совершенного и несовершенного видов в узуальном типе контекста

В целом в языке восточнославянских памятников старшего периода в узуальном настоящем презентные формы функционируют так же, как и в современном русском языке. Однако можно отметить некоторые отличительные черты, характеризующие их употребление в древнерусских текстах. Прежде всего это касается приставочных форм совершенного вида.

1. Все исследователи современного русского языка отмечают, что при выражении узуального значения презентными формами совершенного вида контекст обязательно должен содержать эксплицитное указание на повторяемость. Вне кратного-парного или кратного-цепного типов контекста (см. о них выше) значение узуально повторяющегося действия обычно нуждается в подкреплении лексическими детерминантами, такими, как *часто, иногда, всегда, никогда, каждый раз* и т. п.

Как было сказано выше, в древнерусских памятниках в узуальном типе контекста подобные наречные и обстоятельственные детерминанты встречаются реже, чем в современном русском. Более того, по-видимому, в древнерусский период сочетание с лексическими показателями узуальности было не столь обязательным, как в современном русском литературном языке:

- (1) **Не преи́май же о́учения ѿ Латынь · нѹ́же о́ученье разъвраще́но · влѣзѹ́ше бо въ цркъ^а · не поклонѹтсѧ иконамѹ [ПВЛ, Лавр.: л. 39об., 988 г.] — «Не принимай же учения от латинян, — учение их искажено: войдя в церковь [никогда] не поклонятся (ср. с более привычным для совр. рус. яз. *не поклоняются*) иконам»;**
- (2) **что роу́къ тѣхꙋ сквернѣиши или оустꙋ тѣхꙋ жестꙋчѣиши, иже всего алчю́ть, а не насытѹтсѧ [Пч.: 209] — «Что есть сквернейшего тех рук или жестче тех уст, которые от всего вкушают, а [никак] не насытятся (ср. *не насыщаются*)»;**
- (3) **понеже велика е́сть сила крѣпа · крѣомъ бо побѣжени бываю́ть силы бѣсовска · крѣмъ бо [Гѣ] князе^а в бранѣ посовитѹ · въ бранѣ крѣмъ согражаки вѣрни люде · побѣжаю́ть супостаты противны · крѣмъ бо вскорѣ избавлѧ ѿ напастни призывающ^а кго с вѣрою · ничто же са болатѹ бѣси токмо крѣ · аще бо бываю́ть ѿ бѣсъ мечтаныя знаменавше лице крѣмъ прогоними бываю́ть [ПВЛ, Лавр.: л. 58, 1068 г.] — «Ибо велика сила крестная; крестом *бывают* побеждаемы силы бесовские, крестом [Господь] князьям в сражениях [всегда] поможет (ср., *помогает*),**

- крестом охраняемы в битвах, верующие люди *побеждают* супостатов, крест же быстро *избавляет* от напастей призывающих его с верою. Ничего бесы не боятся, кроме креста. Если *бывают* от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их *отгоняют*»;
- (4) в Ростовѣстѣи власти · встаста два волъхва · ѿ Ярославла глѣца ꙗко вѣ свѣвѣ кто вбиле держитъ · и поидоста по Волзѣ · кдѣ приду^ѣ в погостѣ · тѹже нарицаху · лѹчшинѣ жены глѣца · ко си жито держитъ · а си медъ · а си рыбы · а си скору си [ПВЛ, Лавр.: л. 59, 1071 г.] — «В Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что мы знаем, кто запасы держит. И отправились они по Волге, и в какой [ни] придут погост, тут же *называли* знатных женщин, говоря, что эта жито прячет, а эта — мед, а эта — рыбу, а эта — меха».

С точки зрения употребления презентных форм совершенного вида все приведенные примеры, несмотря на их синтаксическую и семантическую неоднородность, имеют одну особенность: при переводе их на современный русский литературный язык оказывается предпочтительным включение лексических показателей узуальности (наречий *никогда*, *всегда*, *никак*, частицы *ни*, см. переводы)¹⁴.

Интересно, что, в отличие от современного русского литературного языка, в диалектной речи сохраняется возможность более свободного употребления перфективного презенса в узуальном значении (без обстоятельственных наречий), ср. с примером (1) из ПВЛ:

- (5) Вот ты, Павел Николаевич (говорили мне на Шуйнаволоке), думаешь, что на воде люди *погибают* больше от своей вины. А мы тебе заподлинно сказываем, что дело без водяника не обойдется [ЛПБ: 206].

Для современного русского литературного языка в данном случае более характерным было бы употребление отрицательного наречия никогда *не обойдется* или же формы несовершенного вида *не обходится*.

В контекстах, подобных примеру 3, когда перечисляемые действия не организованы во временную последовательность и не противопоставлены друг другу по процессуальности/завершенности, для

¹⁴ Употребление презентных форм совершенного вида в примерах 1—2 близко к «презенсу напрасного ожидания», для которого в древнерусском языке также характерно отсутствие наречных показателей, обязательных в современном русском [Зализняк 1990: 113]; в 3 — к потенциальному настоящему, значению потенциального свойства, характеристики субъекта; в 4 выражается многократно повторявшаяся ситуация.

современного русского литературного языка также более типичным будет употребление презентных форм несовершенного вида (см., например, перевод Д. С. Лихачева [ПВЛ 1996: 212]:

«Ибо велика сила крестная; крестом *бывают* побеждаемы силы бесовские, крест князьям в сражениях *помогает* (букв. поможет), крестом охраняемы в битвах, верующие люди *побеждают* супостатов, крест же быстро *избавляет* от напастей призывающих его с верою. Ничего бесы не боятся, кроме креста. Если бывает от бесов видение, то, осенив лицо крестом, их отгоняют».

Употребление формы презенса совершенного вида, выражающей многократность, сходное с употреблением в примере 4, возможно в современном болгарском языке в придаточных предложениях, образованных с *докато* «пока» и относящихся к главному, сказуемое которого стоит в форме имперфекта:

- (6) Там тои *хвалеше* (имп. НСВ) народните обичаи, *ядеше* (имп. НСВ) и *пиеше* (имп. НСВ), докато падне (през. СВ) и заспи (през. СВ) [Маслов 1963: 248].

При переводе данного примера на современный русский литературный язык, как и в случае с примерами из древних восточнославянских текстов, предпочтительным будет включение лексического показателя узуальности — частицы *бывало*: «Там он *хвалил* народные обычаи, *ел* и *пил*, пока, [бывало], не упадет и не заснет».

2. В исследованных древнерусских текстах обращает на себя внимание более свободное, по сравнению с современным русским литературным языком, сочетание разновидовых форм в едином смысловом контексте.

Так, в исследованных памятниках в узуальном типе контекста встречаются случаи одиночного употребления презентной формы совершенного вида в окружении форм настоящего несовершенного.

- (7) в великую субботу · въ · \widehat{S} · ч \widehat{A} дни сбираются вси люде пре^а црквию стго воскресения ... и ѿ всеа земли · т \widehat{Y} са собираютъ пришелци в тон днь несказанно множество · и наполнѣтса та мѣста лю^а около цркви · и около распѣтїа х \widehat{V} а · и велика тѣснота и томленіе люто людемъ т \widehat{Y} бываетъ · мнози во члци т \widehat{Y} задыхаются ѿ тесноты лю^а бесчислены^а [ХИД-Мазур.: л. 115об.—116];

- (8) егда же заутрени пѣти хотятъ ꙗко Фофен свягон, таже преже поють предъ ранскими дверми, во притворѣ таже мирносноци поють, и потом ранския двери отворятъ и вышедше поють посреди церкви и третья поють ꙗко олтаря. А в недѣлныи же день ставяетъ патриархъ на ѹтрени и на обѣднѣи же, и въ Господ-

ския праздници, и тогда БЛАГОСЛОВАЕТЬ пѣвецъ съ полатъ [ХАА: 79].

Семантически употребление разных видов в приведенных примерах оправдано: несовершенный вид выражает длительность (СБИРАЮТЬСЯ, ЗАДЫХАЮТСЯ, БЛАГОСЛОВАЕТЬ) или обычность, многократность (БЫВАЕТЬ), а совершенный акцентирует внимание на законченности действия, достижении им внутреннего предела (НАПОЛНАТСЯ, ОТВОРЯТЬ). В принципе такое употребление возможно и в современном русском языке, но, как кажется, для современного русского литературного языка все же не очень характерно употребление одиночной формы совершенного вида в окружении форм несовершенного вида. Во всяком случае такое употребление требует дополнительных лексико-синтаксических средств — например, включения кратно-парной конструкции в кратно-цепной тип контекста: «И [как/когда] заполнится все пространство около церкви и около распятия Христова, [то] *бывает* тут большая теснота»; «А как откряют двери, то выходят и поют посреди церкви», ср. с примером, более типичным для современного русского литературного языка:

(9) і какъ понесутъ свѣтозарный іеросалимъ і рипиди, і тогда воздыханіе і плачь БЫВАЕТЪ людемъ о грѣсѣхъ [ХАА: 13].

Более показательными являются примеры, в которых презентные формы совершенного и несовершенного вида выступают в роли однородных сказуемых при одном и том же субъекте, причем оба действия являются «однородными» с точки зрения характера протекания действия: нельзя сказать, что в данном случае употреблением разных видов выражается длительность или результативность, завершенность действий, как в рассматриваемых выше примерах 7—8. Такого противопоставления между обозначаемыми действиями здесь нет, а потому употребление разновидовых форм воспринимается как семантически неоправданное:

(10) аште вѣложиши оугль огоньнъ . исоушакъ и пожъжетъ влагоу и очиштакъ [Изб-76: л. 208—208об.];

(11) еда вышын<ин> граждане рѣкы и съсоудъ своихъ не наплънаютъ ли . или скота своег<о не> напоатъ . рекоуштен ... [Изб-76: л. 16об.—17];

(12) имѣник во свѣта сего рѣцѣ подовьно кст[ь] соуда отъидеть в<ъ>низъ и паки съ върхоу приходить [Изб-76: л. 16об.];

(13) фарисен же, рекомыи законопавецъ, всакъ вещь на Бога возложат и на сжд и правдъ и кривдъ сщцъ въздавают [Флав.: II, 144—146];

(14) егда кончаютъ прологъ, і тогда почнутъ литоргию [ХАА: 18].

Ср., с аналогичным сочетанием инфинитивов разных видов при описании узуальной ситуации в следующем примере из «Истории Иудейской Войны» Иосифа Флавия:

(15) Гражданом же швычан ес(ть) ω(ть)чьскіи сродника всакого не выгнати вонъ, но примати а без вопрошаніа [Флав.: I, 16].

В таких случаях современный русский литературный язык предпочитает употребление одновидовых форм, например, форм несовершенного вида в неограниченно-кратном значении:

«...сходит вниз и снова сверху *приходит*...»,
 «...высушивает, сжигает влагу и *очищает*...»,
 «...не наполняют своих сосудов и не поят свой скот...»,
 «когда *заканчивают* [чтение] Пролога, тогда *начинают* Литургию».

Возможно также употребление презентных форм совершенного вида в наглядно-примерном значении: «сойдет и придет», «не наполнят и не напоят», «когда закончат, тогда начнут» и т. п.

Часто форма совершенного вида употребляется в конце повторяющейся цепочки последовательных действий, обозначая заключительное действие и как бы маркируя конец этой цепочки:

(16) Жена доблѣ веселитъ мужа своего и лѣ<та когѣ и>сп<ъ>лнить [Изб-76: л. 181];

(17) въ великую пѣтницу по вечернѣ · потираю гробъ гнѣ и помывають кадила та всѣ · и масла чтенаго и без воды единого масла токмо наливше кадила · и воткнувше свѣтила во шловца · и не зажигаю свѣтиленъ тѣхъ · но тако вставляютъ кадила та невожджена · и запечатываютъ гробъ во (в) чѣ нощи · и тогда изгасятъ всѣ кадила · и свѣщи по всѣмъ црквамъ во иерлѣмѣ [ХИД-Мазур.: л. 113об.];

(18) Не мни мене тако мѣръ или тако кормилицю, лѣживымъ словомъ оустрашающа тѣ, тако шни оустрашаютъ дѣти, плачуща бещиноу, и баснымъ творениемъ оукротятъ [Пч.: 298];

(19) Отъ толъстыкъ пищи, такоже попелный дымъ поущакамъ, тако и тоуча перѣзаетъ стѣго дѣхѣ снаник и не дастъ вѣмѣститисѣ въ нашъ оумъ [Пч.: 245];

(20) сѣнце не сквернитъ(с) · призирага на гнои · и на калъ · но обок исушактъ и шгонить смрадъ [Пал-1406, СДЯ: 97].

Примечательно, что такое же сочетание разновидовых форм в одной фразе, какое мы находим в древнерусских текстах, встречается в современном устном повествовании, ср. употребление глагольных форм в приведенных выше примерах с современными фольклорными записями, сделанными в северных районах:

- (21) Черти часто *заводят*, на камень *садят*, как на печку, и замерзнет [Новгородская обл., МРИЛРС: 68];
 (22) Слышно, Стенька кажинную ночь *летаёт* над Волгой, а к утру скроется. Толька я этого не видел [ЛПБ: 162].

В. А. Смирнова отмечает подобные употребления в одном из северных говоров Иркутской области [Смирнова 1975: 168]:

- (23) А вот служашшы *приизжают*, дак абизатильна на брацку маги-лу сходят; Машынист *распригаит* коний и удет.

По мнению В. А. Смирновой, такое, на первый взгляд, необоснованное чередование видо-временных форм, может быть мотивировано «необходимостью избежать повторения, придать сказанному особую выразительность, что возможно при употреблении глагольных форм, контрастирующих между собой» [Смирнова 1975: 168].

Возможно, это действительно так. Как известно, наглядно-примерному значению совершенного вида в современном русском языке обычно приписывают большую «эмоциональную насыщенность и наглядность» [Маслов 1963: 247]. Что касается таких употреблений в древнерусских текстах, то, как кажется, в ряде случаев переход от форм несовершенного вида к совершенным, действительно, можно объяснить стремлением к большей наглядности и конкретности. Иногда этот переход в повествовании от форм несовершенного вида к формам совершенного сопровождается также сменой мн. ч. на ед.:

- (24) мнози бо праведнии творяще . и по правдѣ живуще . и къ смѣрти сврацаютьсѧ праваго пѹти и погыбають . а друзни развращено прѣбывають и къ смѣрти въспоманутьсѧ . и покааньемь добрымь щѣтить грѣхы [Ипат.: л. 49, 1015 г.];
 (25) а кнзи и боаре толды на себѧ въздевають порткы . да сорочицѹ . да кафтан . да ѡта по плечем . да држгою сѧ опомшет . а третю головж оувертит [ХАН: 7].

В приведенных примерах описание начинается с повторяющейся ситуации в целом: «...бывает так-то и так-то, все делают то-то и то-то», и все действия обозначаются глаголами несовершенного

вида в форме мн. ч. в неограниченно-кратном значении (*ВЪЗДЕВАЮТ, ПОГЫБАЮТ* и т. д.). Употребление форм несовершенного вида во мн. ч. создает фон узуальности, обычности, а затем типичная ситуация как бы «наглядно» изображается на конкретном примере, при этом выбирается форма презенса совершенного вида, часто в ед. ч.: субъектом конкретного действия становится один человек, а не обобщенное множество (*УЧИТИТЬ, СЯ ОПОАШЕТ, ОУВЕРТИТ*).

Возможно и другое объяснение. Не исключено, что сходство в употреблении разнородных презентных форм в узуальном типе контекста между современными говорами и древнерусскими текстами объясняется тем, что в данном случае современные говоры отражают как бы законсервированную древнюю языковую норму, в отличие от современного русского литературного языка допускающую более свободное функционирование презентных форм совершенного вида в узуальном типе контекста. Как кажется, в древнерусском языке презентные формы совершенного вида вполне могли быть стилистически нейтральным средством обозначения узуальных действий, как, например, в ряде современных западнославянских и южнославянских языков (чешском, словацком, словенском), в которых при обозначении повторяющихся действий презентные формы глаголов совершенного вида часто являются в равной или большей степени употребительными, чем соответствующие формы несовершенного, и способны употребляться без каких-либо синтаксических ограничений¹⁵.

Однако, несмотря на отмеченные отличительные особенности употребления презентных форм совершенного вида в контекстах узуального настоящего древнерусских памятников, в целом в отношении употребления презентных форм в значении обычных, повторяющихся действий языковая система древнерусского языка все же оказывается ближе к современному русскому, в котором в подобных контекстах безусловно господствующей формой является презенс несовершенного вида. «Классические» употребления презентных форм совершенного вида со значением обычности, узуальности (не осложненные модальными смыслами) вне кратного-парного или кратного-цепного типов контекста, какие имеют место, например, в словацком, чешском, словенском, и на основании которых мог бы быть сделан вывод о «равноправии» презенсов совершенного и несовер-

¹⁵ О функционировании презентных форм совершенного вида в узуальном значении в чешском, словацком, словенском см. [Исаченко 1960: 453–455; Плотникова 1975: 112–128; Петрухина 1983, 2000: 64–72; Широкова 1988: 23–28] и др.

шенного видов в узуальном настоящем, в древнерусских памятниках нам не встретилось.

Приведем несколько примеров из современных славянских языков:

словацкий:

- (26) Ráno vypijem šálku kávy a zjem dva rožky — «Утром я *выпиваю* (букв. выпью) чашку кофе и *съедаю* (букв. сьем) две булочки» [Исаченко 1960: 453—455].

чешский:

- (27) Z tohoto pole sklidí brambory každý rok až naposled — «Картофель с этого поля каждый год *убирают* (букв. уберут) в последнюю очередь» [Петрухина 2000: 68].

словенский:

- (28) Izolirana področja izpaoajenk nastanejo tam, kjer je neka kultura tako samosvoja — «Изолированные области *возникают* (букв. возникнут) там, где культура столь самобытна» [Плотникова 1975: 108].

Современный русский литературный язык в подобных контекстах допускает только несовершенный вид. По всей видимости, в древнерусскую эпоху в целом ситуация была такой же: в узуальном настоящем при употреблении единичной глагольной формы, как правило, выбирался несовершенный вид, а употребление глаголов совершенного вида в таких ситуациях уже имело определенные ограничения. Во всяком случае у нас нет ярких примеров, свидетельствующих об иной ситуации. Таким образом, по отношению к языку древнерусских памятников мы можем говорить лишь о тенденции к более широкому функционированию презентных форм совершенного вида в контекстах узуального настоящего, но не об их «равноправии» с формами несовершенного вида (как в ряде современных славянских языков). Господствующей видо-временной формой в узуальном настоящем в языке древнерусских памятников так же, как и в современном русском языке, был презент несовершенного вида.

Особым образом следует отметить употребления в контекстах неактуального настоящего приставочных глаголов на **-ѣти**, видовая принадлежность которых не столь очевидна и интерпретируется по-разному. А. Мейе и А. Вайан отмечали, что в памятниках старославянского языка многие приставочные глаголы на **-ѣти** остаются гла-

голами несовершенного вида¹⁶. По своей лексической семантике большинство глаголов данного формального класса являются глаголами состояния. А как было сказано выше, приставка, присоединяемая к стативам, по-видимому, могла не перфективировать исходную основу, хотя уже в эпоху первых славянских памятников некоторые приставочные глаголы на **-ѣти** приобретают семантику совершенного вида (например, **оумрѣти**, **оувѣдѣти**).

В исследованных древнерусских памятниках «аспектуальное поведение» некоторых приставочных глаголов на **-ѣти** (например, **набѣдѣти**, **пробѣдѣти**, **въздѣржатисѧ**, **истаѣти**) сходно с поведением бесприставочных глаголов, неохарактеризованных в видовом отношении. Глаголы на **-ѣти** так же, как и многие бесприставочные глаголы, встречаются и в контекстах совершенного вида (и часто тяготеют к этим контекстам), и в контекстах несовершенного вида¹⁷. Таким образом, приставка в данном случае выполняет как бы «слабоперфективирующую» функцию. Приведем примеры употреблений таких глаголов в контекстах узуального настоящего из «Пчелы»:

(29) **иже хотѣтъ промыслѣти своими ѡци, да позрѣтъ на стерки. ѡни бо, оузрѣвши своего ѡца и старостью безъ крыль соуща, вкрѣтѣть его стоаще набѣдѣтъ своими крылы и корьмяю без за-**

¹⁶ «Глаголы на **-итъ**, инф. **-ѣти**, выражающие состояние, являются преимущественно глаголами несовершенного вида, причем присоединение приставки не всегда придает им совершенный вид» [Мейе 1951: 238]; «Глаголы на **-ѣти**, наст. вр. **-и-**, — несовершенного вида и остаются частично такими и с приставкой» [Вайан 1952: 357].

¹⁷ У многих глаголов на **-ѣти** зафиксированы формы имперфектов и причастий настоящего времени. Наличие у глагола причастия настоящего или прошедшего времени, а также наличие/отсутствие формы имперфекта иногда рассматривается в качестве критерия при определении видового значения глагола, хотя, как известно, «у некоторых глаголов совершенного вида встречаются и причастия настоящего времени и имперфекты» [Вайан 1952: 352]. Рассмотрение данного вопроса выходит за пределы данной статьи и безусловно требует дополнительного исследования, однако предварительные наблюдения позволяют предположить, что для раннего периода (XI—XII вв.) наличие у приставочного неимперфективированного глагола причастия настоящего времени, по-видимому, во многих случаях действительно может свидетельствовать о сохранении основой видовой неохарактеризованности. Как отмечают исследователи, в текстах XI—XII вв. (в отличие от XIII—XV) случаи образования причастий настоящего времени от приставочных глаголов совершенного вида достаточно редки [Кузьмина, Немченко 1982: 290—291], причем большинство зафиксированных причастий от приставочных глаголов являются формами глаголов на **-ѣти** и глаголов некоторых других классов, как правило, тоже выражающих состояние.

- висти подають и, кгда летѣти хочеть, помагають емоу, помалоу шлегчающе своими крылы [Пч.: 215];
- (30) иже не въздѣржитъ (с) въ болести и не оужаса<к>тъся шканенъ ксть такоже и безѣмни [Пч.: 178];
- (31) борци и гоудци не насыщаютъ чрева ѿ многыа пища и въздѣржатъся [Пч.: 35];
- (32) не то во ксть бл҃гочестивъ, иже много мироуе(т), но иже никогоже не прешвидитъ [Пч.: 208];
- (33) Бл҃городни чл҃вци сѣтъ, иже прешвидать б҃гѣтьство, славоу и сладость, оубоже и беззслави, болестъ <и> смѣтъ [Пч.: 370];
- (34) такоже и мы, вънезапѣнок и много лѣющек въ са питье, то скоро и телеса[са] истлѣють въ насъ, и жилы изнемогають, и разумъ шмрачаеться, ни въздыхати можемъ [Пч.: 246];
- (35) Врани оумершихъ вчи выклинають, еда не на потребѣ оуже соутъ ласкавци же живыхъ дшѣ истлѣють и вчи ихъ пошрачаютъ [Пч.: 124].

Контексты узуального настоящего, как и все остальные контексты неактуального настоящего, непоказательны с точки зрения определения видовой семантики основ. Тем не менее кажется не случайным, что эти глаголы «тяготеют» к контекстам гномического настоящего, хотя, строго говоря, нельзя сказать однозначно, выражают ли формы приставочных глаголов в приведенных контекстах семантику совершенного или несовершенного вида. В принципе допустимы обе трактовки. В пользу семантики несовершенного вида говорит то, что эти глаголы часто употребляются в контекстах несовершенного вида, а также окружающий контекст (практически во всех приведенных примерах приставочные глаголы употребляются в одном ряду с глаголами несовершенного вида). С другой стороны, как было показано выше, точно в таких же позициях встречаются и «чистые» глаголы совершенного вида. Не исключено также, что употребление «недоперфективированных» приставочных глаголов на -ѣти в одном ряду с глаголами несовершенного вида в контекстах узуального настоящего как бы «стимулировало» употребление в этих же позициях приставочных глаголов совершенного вида.

Узуальность или потенциальность?

С возможностью более широкой, по сравнению с современным русским литературным языком, сочетаемости презентных форм совершенного вида с формами несовершенного в контексте узуального настоящего древнерусских памятников связана проблема выделения значения потенциального настоящего. Так, в нижеприведенных

примерах значение форм презенса совершенного вида неоднозначно и может быть интерпретировано двояко: и как потенциальное, и как узуальное. Значение будущего в данном случае исключено, на что указывает окружающий контекст: интересующие нас формы (**дасть**, **не вдасть**, **не створать**, **загаадить**) обозначают действия, которые следуют в одном ряду с другими узуальными действиями, выраженными формами несовершенного вида, а также в качестве объектов имеют имена с общеродовым денотативным статусом:

- (1) **Сѡтополкъ ... помысливъ высокоумьемъ своимъ · не вѣды · тако Бѣ даеть власть ему же хощеть · поставлаеть бо црѣ и княза Вышнии · ему же хощеть дасть** [ПВЛ, Лавр.: л. 47об., 1015 г.] — «Святополк ... [так] подумал в гордости своей, не зная, что Бог *даёт* власть кому хочет, ибо Всевышний *поставляет* цесаря и княжество кому хочет *даст* (ср.: *даёт, может дать*)»;
- (2) **сици бо слугы бѣси бывають бѣси бо на злое посылаеми бывають а анѣли на блгое [анѣль бо і] члвкѣ зла не створать но блгое мыслиють ему всегда паки же крѣтианомъ помогаеть и заступають ѡ сѡпротивнаго врага** [ПВЛ, Ипат.: л. 50об.—51, 1015 г.] — «Ибо такие слуги *бывают* как бесы: бесы ведь *посылаются* (букв. *бывают* посылаемы) на злое, а ангелы на благое. Ангелы ведь человеку зла [никогда] не сделают (ср., *не делают, не могут (не способны) сделать*), но всегда *желают* ему добра, особенно же *помогают* христианам и *защищают* их от супостата-дьявола»;
- (3) **понеже велика естъ сила крѣнага · крѣомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыа крѣмъ бо [Гѣ] князеѣ в бранеѣ посовитъ · въ бранеѣ крѣомъ согражаками вѣрнии людье · побѣжаютъ супостаты противныа · крѣѣ бо вскорѣ избавлае ѡ напастии призывающииѣ ꙗго с вѣрою** [ПВЛ, Лавр.: л. 58, 1068 г.] — «Ибо велика сила крестная; крестом *бывают* побеждаемы силы бесовские, крестом [Господь] князьям в сражениях [всегда] поможет (ср., *помогает, способен помочь*), крестом охраняемы в битвах, верующие люди *побеждают* супостатов, крест же быстро *избавляет* от напастей призывающих его с верою»;
- (4) **ѡтиноудъ бо бесчислынаа держава страстьнаа не вдасть члвкомъ быти тако члвкомъ, но влечеть къ бесловесному кстьствоу, къ звѣриномоу, бещиньномуу** [Пч.: 32] — «Бесчисленная сила страсти [никогда] не позволит (ср.: *не позволяет, не хочет позволить*) людям быть людьми, но влечет их к бессловесному, звериному естеству и бесчинству»;
- (5) **аште вѣложиши оугла огньнъ · исоушаактъ и пожжьеть влагоу и очиштаактъ** [Изб-76: л. 208—208об.] — «Если положишь раскаленный уголь [в сосуд с малым количеством воды], то *высуши-*

вает и сжигает (сожжет) влагу и очищает» (ср.: *может, способен сжечь*);

- (6) велни еси ГИ̇ · и чюдна дѣла твоѧ · и бл҃гвѣно и хвално имя твоѧ в вѣкы · по всен земли · иже кто не похвалитъ · ни прославляетъ силы твоѧ · и твои̇ великы̇ чюдѣ̇ · и добротъ ѱстроены̇ на семь свѣтъ̇ [Поуч. Влад. Мон., Лавр.: л. 79об.] — «Велик ты, Господи, и чудны дела твои, и благословенно и хвално Имя твоё во веки по всей земле. И кто не похвалит [и] не прославит (ср.: *не хвалит* и *не прославляет*) силы твоей, твоих великих чудес и доброт, устроенных на этом свете!?».

Рассмотрим оба варианта прочтения.

Вариант 1: В переводах на современный русский язык сохранные презентные формы совершенного вида (*даст, не сделает, поможет, похвалит*), в отличие от возможных на их месте форм несовершенного вида (*дает, не делают, помогает, хвалит*), имеют значение потенциального настоящего. В данном случае они выражают способность (или неспособность) субъекта совершить указанное действие, причем это действие является характеризующим свойством субъекта (прим. 1—5). В примере 2, 4 такое прочтение поддерживается также наличием отрицания¹⁸. В примере 6 интересующая нас фраза представляет собой риторический вопрос, в котором значение презентной формы совершенного вида осложнено потенциальной модальностью: выражается уверенность в том, что обозначенное действие не может не совершиться (причем как в будущем, так и в настоящем). Таким образом, можно полагать, что в приведенных контекстах, как и в современных переводах, выражается именно это значение постоянной потенциальной возможности осуществления действия.

Вариант 2: Можно предложить и иную интерпретацию значению форм презенса совершенного вида в примерах 1—5. В предыдущем разделе было показано, что в исследованных нами восточнославянских памятниках (XI—XV вв.) одиночные формы презенса совершенного вида в узуальном значении могли более свободно сочетаться с формами несовершенного вида в тех случаях, когда современный русский литературный язык предпочитает употребление форм одного вида. Не исключена вероятность того, что в анализируемых контекстах мы также сталкиваемся с более широким употреблением узуального настоящего совершенного вида.

¹⁸ Об отрицании как благоприятном условии «генерического» прочтения подобных высказываний см. в [Булыгина, Шмелев 1997: 37].

Следует также отметить, что вне зависимости от того, какое именно значение (узуальное или потенциальное) выражается перфективными презентными формами в приведенных контекстах, при их переводе на современный русский формы совершенного вида, как правило, могут быть сохранены только в сочетании с обстоятельственными наречиями типа *всегда, непременно, вечно, обязательно, никогда* и т. п.: *...ангелы человеку никогда зла не сделают...; ...крест князьям в сражениях всегда поможет...; ...бесчисленная сила страсти никогда не позволит людям быть людьми...* (см. об этом выше). Более же типичным для современного русского литературного языка в подобных случаях является употребление однородных видовых форм, преимущественно несовершенного вида.

По-видимому, именно это обстоятельство и побуждает исследователей интерпретировать видовое значение приставочных презентных форм в узуальных контекстах древнерусских памятниках как значение несовершенного вида (о чем было сказано в начале статьи). Однако, как мы попытались показать, для этого нет оснований. Показательно также, что, в отличие от современного русского литературного языка, в диалектной и разговорной речи перфективный презент в потенциальном значении может употребляться более свободно (без обстоятельственных наречий и в сочетании с формами несовершенного вида). Ср.:

- (7) Раньше же так говорили: волшебница *летат*, и если беременна женщина, они ребенка вытащат [МРРНВС: 154, № 218, Читинская обл.; ср. «непременно вытащат», более привычное для лит. языка «могут вытащить»].

* * *

Итак, как показало исследование, в восточнославянских памятниках XI—XV вв. употребление презентных форм в контекстах узуального настоящего в целом сходно с употреблением в современном русском: господствующими формами, способными употребляться без каких-либо лексико-синтаксических ограничений, являются презентные формы несовершенного вида, приставочные же презентные формы совершенного вида, как и в современном русском, в основном функционируют в кратно-соотносительном типе контекста. При этом в кратно-цепном типе контекста внутри повторяющейся последовательности выбор совершенного или несовершенного вида так же, как и в современном русском, часто обуславливается стремлением говорящего представить действие либо как законченное, либо как развертывающийся процесс.

Тем не менее по сравнению с современным русским литературным языком в языке восточнославянских памятников XI—XV вв. наблюдается тенденция к более широкому употреблению презентных форм совершенного вида, выражающаяся в меньшей контекстной обусловленности этих форм. Формы презенса совершенного вида, выражающие обычные, повторяющиеся действия, более свободно сочетаются и чередуются в едином смысловом контексте с формами презенса несовершенного вида в тех случаях, когда это семантически не мотивировано. Современный русский литературный язык в этом случае предпочитает видовую однородность. Возможность употребления одиночной формы совершенного вида в окружении форм несовершенного с узуальным значением в некоторых случаях затрудняет разграничение узуального и потенциального настоящего в древнерусских текстах. Кроме того, формы презенса совершенного вида в ряде случаев употребляются без лексических показателей узуальности, необходимых в аналогичных конструкциях в современном русском языке. В древнерусский период те же тенденции наблюдаются и в других типах неактуального настоящего («презенсе напрасного ожидания», «настоящем географическом», «настоящем историческом» [Зализняк 1990; Бондарко 1958; Мишина 1997; Мишина 2001]), что позволяет сделать вывод о более значительной, по сравнению с современным русским языком, функциональной нагрузке презентных форм совершенного вида во всех контекстах неактуального настоящего и меньшей нормированности в употреблении видовых форм.

Более широкая функциональная нагрузка презентных форм совершенного вида в древнерусском языке в известной степени обусловлена меньшей грамматикализацией вида, меньшей зависимостью категории вида от категории времени, в частности тем, что в системе древнерусского языка «еще не окончательно сложилась характерная для современного русского языка связь значения будущего времени с личной формой именно совершенного вида» [Кукушкина 1979: 132]. Речь идет о широком употреблении в сфере будущего презентных форм от неохарактеризованных основ и существовании случаев выражения будущего времени (правда, всегда осложненного модальностью [Горшкова, Хабургаев 1997: 314]) инфинитивными сочетаниями приставочных глаголов совершенного вида (типа **хочу приати, имам налѣсти**). Однако следует подчеркнуть, что у нас нет оснований говорить о равноправности значений будущего и неактуального настоящего у презентных форм совершенного вида. Основным, контекстно не обусловленным значением презентной формы совершенного вида уже в древнерусский период было значение бу-

дущего времени, о чем убедительно свидетельствует статистика: в исследованных восточнославянских памятниках старшего периода в абсолютном большинстве случаев формы совершенного вида выражают значение будущего времени [Мишина 1999: 21–54].

Выявленные в древнерусских текстах особенности употребления презенса совершенного вида в узуальном и потенциальном настоящем, утраченные современным русским литературным языком, в той или иной мере представлены в диалектах и просторечии (а также в других славянских языках). Этот общий вывод лишней раз подтверждает, что языковая дистанция между древним и современным языковым состоянием складывается не только за счет эволюции живой диалектной речи, но и за счет автономного развития, нормализации и логического упорядочивания литературного языка, которые в данном случае играли едва ли не большую роль.

Рукописные и опубликованные источники

- ВК — Вопрошание Кириково // Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880 г. Ч. I.
- ИЗБ-76 — Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.
- Ипат. — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1908).
- Лавр. — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. Л., 1927).
- ЛПБ — Легенды. Предания. Бывальщины. М., 1989.
- МРИЛРС — Мифологические рассказы и легенды русского севера. СПб., 1996.
- МРРНВС — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987.
- ПВЛ 1996 — Повесть Временных Лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М., 1996.
- Пч. — Древняя русская Пчела по пергаменному списку XV в. / Издание В. Семенова // Сборник ОРЯС. СПб., 1893. Т. 54. № 4.
- СДЯ — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. М., 1991. Т. IV.
- Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия // Istrin V. La prise de Jérusalem par Josèphe le Juif. Vol. 1—2. Paris, 1934—1938.
- ХАА — Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиеп. Новгородского в 1200 г. Под ред. Х. М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1899. Вып. 3 (51).
- ХАН — Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подг. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л., 1986.
- ХИД-Венеит. — Житие и хождение Даниила Русьскыя земли игумена: 1106—1107 гг. / Изд. подг. М. В. Веневитиновым // Православный палестинский сборник. СПб., 1883. Т. 1. Вып. 3; 1885. Т. 3. Вып. 3.
- ХИД-Мазур. — Хождение игумена Даниила кон. XV в. РГАДА, собр. Мазурина. Ф. 196, № 344.

ХСН — Хождение Стефана Новгородца // Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934.

Литература

- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бондарко 1958 — *Бондарко А. В.* Настоящее историческое глаголов НСВ и СВ в языке русских памятников XV—XVII вв. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 173. Л., 1958.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Виноградов 1972 — *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972.
- Горшкова, Хабургаев 1997 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- Зализняк 1990 — *Зализняк А. А.* Об одном употреблении презенса совершенного вида («презент напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich.* Białystok, 1990.
- Зализняк 1993 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989г.). М., 1993.
- Зализняк 1995 — *Зализняк А. А.* Древненогородский диалект. М., 1995.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II. Морфология. Братислава, 1960.
- Кржижкова 1961 — *Křirková H.* Ke konkurenci vidů v ruštině a v češtině // *Československá rusistika.* 1961, № 1.
- Кузнецов 1953 — *Кузнецов П. С.* К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды института языкознания. М., 1953.
- Кузнецов 1959 — *Кузнецов П. С.* Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Кузьмина, Немченко 1982 — *Кузьмина И. Б., Немченко Е. В.* История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Кукушкина 1979 — *Кукушкина О. В.* Формирование категории вида и видо-временных отношений. Канд. дис. М., 1979.
- Кукушкина, Шевелева 1991 — *Кукушкина О. В., Шевелева М. Н.* О формировании категории глагольного вида // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. № 6. М., 1991.
- Маслов 1959 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1963 — *Маслов Ю. С.* Морфология глагольного вида в современном болгарском языке. М.-Л., 1963.
- Маслов 1984 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Матезиус 1947 — *Mathesius V.* O konkurenci vidů v českém vyjadřování slovesném // *Čeština a obecný jazykozpyt.* Praha, 1947.
- Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

- Мишина 1997 — *Мишина (Горбунова) Е. А.* Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Русские диалекты: история и современность. Вып. VII. М., 1997.
- Мишина 1999 — *Мишина Е. А.* Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI—XV вв. Канд. дис. М., 1999.
- Мишина 2001 — *Мишина Е. А.* Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV веков // Древние языки в системе университетского образования. Исследование и преподавание. М., 2001.
- Немец 1962 — *Немец И.* Генезис славянской видовой системы // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухина 1983 — *Петрухина Е. В.* Функционирование презентных форм глаголов совершенного и несовершенного вида (с точки зрения взаимодействия грамматических категорий вида и времени) в чешском языке в сопоставлении с русским // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
- Петрухина 2000 — *Петрухина Е. В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). М., 2000.
- Плотникова 1975 — *Плотникова О. С.* Глагольное видообразование и некоторые особенности функционирования видов в словенском литературном языке. М., 1975.
- Потебня 1941 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М.; Л., 1941.
- Рус. Грам. 1979 — Русская грамматика. I Academia. Praha, 1979.
- Силина 1982 — *Силина В. Б.* История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Смирнова 1975 — *Смирнова В. А.* Структура и функционирование глагольных форм не прошедшего времени в говоре с. Карам Казачинско-Ленинского района Иркутской обл. Канд. дис. Томск, 1975.
- Широкова 1998 — *Широкова А. Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М., 1998.